

Анализируя причины катастрофы, приведшей к крушению Российской Империи в 1917 г. и к установлению большевицкой диктатуры над Россией, всякий вдумчивый исследователь не сможет не обратить внимания на тот столь же парадоксальный, сколь и очевидный факт, что, невзирая на провозглашенный еще в правление Императора Николая I и особенно активно проводившийся в жизнь при его внуке, Императоре Александре III лозунг «Самодержавие, Православие и Народность», носителем патриотической идеи во Всероссийской империи (как официально именовалась Императорская Россия до февраля 1917 г.), оставались исключительно ее Императорские Армия и Флот, что находило свое самое краткое и в то же время емкое выражение в словах известной солдатской песни «Взвейтесь, соколы, орлами»:

Слава матушке-России, слава батюшке-Царю!

Слава Вере Православной и солдату-молодцу!

Пока авторитет русских Императорских армии и флота, овеянный громкими победами XVIII и первой половины XIX вв., в народе был высок, положение еще нельзя было считать особенно тревожным. Когда же, после несчастной Крымской войны, впервые вошло в моду открытое (и безнаказанное, в условиях наступившей эпохи либеральных реформ) третирование отечественных Вооруженных сил, ситуация стала резко меняться к худшему. Как подчеркивал ком. Гренадерским корпусом 4-й армии Западного фронта генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин в своем письме начальнику штаба Верховного Главнокомандования генералу М.В. Алексееву от 22 ноября (5 декабря) 1915 г.:

«Мы в России долго преследовали военных (с 1856 года), считали их дармоедами, боялись милитаризации деревни, отдались в руки западников, убивших русский патриотизм.

Даже вполне определенное Высочайшее повеление – дать детям начальных школ военную выправку назначением учителями гимнастики запасных унтер-офицеров – не было выполнено.

Народная масса земледельческого населения России...оставалась без должного руководства и попечения. Фабричное же и...городское население развращалось нравственно (пьянство, сифилис) и...растлевалось революционной пропагандой».

Одним словом, общегосударственный патриотизм во Всероссийской Империи, к сожалению, развит не был. После незаконного, с точки зрения законов Российской Империи, отречения Государя Императора Николая II, падения Временного Правительства (столь же незаконно объявившего Россию республикой, не дожидаясь решения на этот счет Учредительного собрания), захвата власти большевиками в союзе с левыми эсерами (опять-таки незаконного) и разгона ими Учредительного собрания, противникам большевиков из Белого стана не пришло на ум никакого другого лозунга, кроме борьбы за «Единую, Великую и Неделимую Россию» — лозунга, подозрительно напоминавшего лозунг французских якобинцев – «Республика Единая, Великая, Неделимая – или смерть» — и не говорившего народным массам ничего – именно в силу неразвитости в населении России общегосударственного патриотизма. Естественно, русские люди сопротивлялись, в том числе и силой оружия (а как иначе?) большевицким грабегам и разбою, но только в местах своего проживания – в своем уезде, в своей волости, в своей губернии, в своем крае, но дальше этого не шли («не наше дело», «мы – скопские, калуцкие, тверские» и т.д.). Так говорили представители «необразованных классов общества». Но и с образованными дело, при ближайшем рассмотрении, обстояло не лучше. Русское студенчество на протяжении нескольких поколений поставляло едва ли не основные кадры для подрывной, антигосударственной и, по сути дела, антинациональной деятельности так называемых «революционеров». Одиозная фигура «скубента-бонбиста» стала в России притчей во языцех. Мало того! «Прогрессивная демократическая» российская общественность буквально «на руках носила», как «героя», студента Карповича, застрелившего министра народного просвещения Боголепова (прозванного левыми «Чертонелеповым»!) за то, что тот велел «сдать в солдаты» студентов-бездельников, проводивших время, вместо учебы, на политических митингах и сходках под лозунгом «Долой самодержавие»! И суд присяжных оправдал убийцу, как в свое время – Веру Засулич!

Как же обстояло дело с патриотизмом вообще и среди студентов, в частности, в другой великой Империи — недавней противнице России в войне — Германии, оказавшейся поздней осенью 1918 г., после падения Империи и отречения Императора Вильгельма II в сходной ситуации?

Процитируем еще раз упомянутое выше письмо А.Н. Куропаткина М.В. Алексееву:

«Главное преимущество немцев в борьбе с нами было...до последнего времени в следующем: немцы воевали против нас, мобилизовав не только армию, но и весь народ, воевали «вооруженным народом», мы же мобилизовали лишь армию и ею только и воевали.

Перевес не только материальных, но и духовных сил оказался на стороне наших противников...

Немцы начали мобилизацию духовных сил с сороковых годов прошлого (XIX – В.А.) столетия. Школа и жизнь учили немца стать горячим патриотом, верить в великое будущее своей родины, учили упорному, точному труду, приучали к дисциплине, сообщали ему воинственность, развивали со школьной скамьи его физические силы, давали ему военные навыки».

Будущий главный военный священник белых Вооруженных Сил Юга России, а затем – Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля, протопресвитер о. Г. Шавельский, вспоминал о своем участии, по повелению Государя Императора, в юбилейных торжествах по поводу столетия Битвы народов под Лейпцигом, вместе с Синодальным хором в освящении русского православного храма-памятника:

«Рано утром 5/18 октября началось Лейпцигское торжество... Приехав в церковь незадолго до начала служб, я с высокой паперти... наблюдал бесконечно тянущуюся мимо церкви к немецкому памятнику, пеструю, как разноцветный ковер, меняющуюся, как в кинематографе, ленту войск, процессий и разных организаций. Прошли войска: пехота, кавалерия, артиллерия. Пошли студенты. Они шли по корпорациям, со знаменами и значками, каждая корпорация – в своих костюмах, красивых, иногда вычурных. Студенты шли стройными рядами, как хорошо выученные полки. Порядок не

нарушался нигде и ни в чем. Народ чинно следовал по бокам дороги, как бы окаймляя красивую, пышную ленту войск и студенческих корпораций.

У меня замерло сердце: вот она, Германия! Стройная, сплоченная, дисциплинированная, патриотическая! Когда национальный праздник, тут все – как солдаты; у всех одна идея, одна мысль, одна цель и всюду стройность и порядок. А у нас все говорят о борьбе с нею...Трудно нам, разрозненным, распропагандированным, тягаться с нею...Эта мысль все росла у меня по мере того, как я вглядывался в дальнейший ход торжества...(о. Г. Шавельский, Воспоминания, т. I, с. 111, Нью-Йорк, 1954).

В гогенцоллерновской Германии (как, впрочем, и в габсбургской Австрии), пользовавшейся в довоенном мире репутацией «главного оплота милитаризма» (репутацией, усиленно раздувавшейся ее недругами и не преодоленной в сознании многих людей и по сей день), в отличие от Всероссийской империи, не существовало школьной, студенческой и гимназической формы. Единственным отличительным знаком гимназистов и студентов (и предметом их гордости) являлись разноцветные форменные фуражки. Но по торжественным дням немецкие студенты — члены университетских корпораций – надевали свое праздничное облачение – расшитые по-гусарски шнурами венгерки, лосины, сапоги-ботфорты, белые перчатки с раструбами, шапочки и шарфы цветов своих корпораций, опоясывались шпагами, поднимали корпорантские знамена – и чувствовали себя сродни офицерам (а не бандитам с большой дороги, сиречь «борцам за народное счастье» — в отличие от – увьи! – столь многих своих сверстников, обучавшихся, или, вернее, числившихся студентами высших учебных заведений Всероссийской империи!). Они никогда не забывали о своих предшественниках-патриотах – ведь именно немецкие студенты первыми записывались в добровольческие корпуса, поднявшиеся в 1813 г. на борьбу с наполеоновской тиранией. От цветов униформы первого из них – добровольческого корпуса «черных егерей» барона фон Лютцова (перекрашенных в черный цвет студенческих сюртуков с красными воротниками и золотистыми латунными пуговицами) – пошел черно-красно-золотой флаг единой Германии. В рядах «черных егерей» фон Лютцова погиб в бою с французскими захватчиками поэт-партизан Теодор Кернер, прозванный «немецким Денисом Давыдовым». А в 1817 г. тысячи студентов собрались на грандиозный праздник, посвященный 4-летней годовщине «битве народов» под Лейпцигом, в тюрингском замке Вартбург, открыто призвав к объединению Германии. На этой встрече студенты впервые подняли черно-красно-золотой общегерманский флаг. Правда, флаг, поднятый студентами на этой встрече, отличался от современного флага единой Германии. Он был сшит из 3 горизонтальных полос (красной, черной и красной), с золотой дубовой ветвью на центральной, черной полосе. Тем не менее, именно благодаря энтузиазму студентов черно-красно-золотой флаг стал зримым символом стремления молодых немцев к свободе, единству и национальной независимости. Среди немецких корпорантов чувство чести было развито не меньше, чем в германском офицерском корпусе. Закон давал им право и даже требовал

восстанавливать свою честь в сабельном единоборстве. Не случайно лица столь многих бывших студентов-корпорантов украшали так называемые «шмиссы» — шрамы от сабельных ударов. Левые, вроде Максимилиана Гардена и Генриха Манна, издевались над всем этим (последний нарисовал наиболее одиозную карикатуру на немецкого патриота-националиста в своем романе-пасквиле «Верноподданный», излив на него особенно много яда в главах, посвященных жизни студентов-корпорантов). Однако подавляющее большинство немцев — и в тылу, и на фронте мировой войны — действительно оказались верноподданными своего монарха, несмотря на злостную клевету, на целые ушаты грязи, выливаемые на кайзера Вильгельма II его явными и тайными врагами — как внешними, так и внутренними! А надо сказать, что этот монарх был глубоко верующим христианином. Вильгельм II даже распорядился изготовить в 2-х экземплярах копию «лабарума» (украшенного монограммой Христа знамени Императора Константина Великого); один экземпляр лабарума был им подарен папе римскому, а второй хранился в Потсдамской гарнизонной церкви, откуда был похищен в первые дни революции, разразившейся в Германии 9 ноября 1918 г... Словом, когда разразилась мировая война, германское студенчество было в первых рядах. Особенно много бывших студентов сражалось на самых опасных участках фронта, в составе штурмовых и ударных батальонов. Как писал Эрнст Юнгер в своем военном дневнике «В стальных грозах»: «Наши чувства диктовались яростью, опьянением и жаждой крови. По мере нашего упорного, неуклонного продвижения к вражеским линиям, я весь кипел от ярости, непостижимым образом охватывавшей меня и всех нас. Непреодолимое желание убивать придавало мне силы. Ярость выжимала слезы из моих глаз. Оставался лишь первобытный инстинкт».

Но и после проигрыша Германией и Австрией войны едва ли не главную ударную силу

белых немецких «добровольческих корпусов», в жестоких боях не допустивших установления большевицкой диктатуры над опутанной цепями Версаля Германией составляло как раз германское студенчество, прошедшее сперва школу корпораций и «буршеншафтов», а затем и горнило Великой войны. Одним из наиболее известных «академических» (студенческих) добровольческих корпусов была «Добровольческая ватага (Фрайшар) Лаутербахера», сформированная в апреле 1919 г. в охваченной большевицкой революцией Баварии из студентов под командованием бывшего студента-правоведа, награжденного за выдающуюся храбрость Железными Крестами II и I степени и дослужившегося до обер-лейтенанта пехоты Людвиг Лаутербахера вступившая в середине мая того же 1919 г. в 21-ю Баварскую стрелковую бригаду в качестве 20-й маршевой роты. Столица Баварии Мюнхен была во власти революционного диктатора Курта Айзнера-Космановского, бывшего кумира левой мюнхенской богемы (без ложной скромности именовавшего себя «Куртом I»), правившего с помощью засланных из красной Москвы агентов мировой революции Левина, Левине и Аксельрода, а также писателя-анархиста Эриха Мюзама – издателя журнала с характерным названием «Каин» (видно, ему не давали покоя «лавы» российских большевиков, вознамерившихся летом 1918 г. поставить в г. Свяжске на Волге памятник... Люциферу, но затем передумавших и «ограничившихся» установкой памятника «всего лишь» Иуде Искариоту; другой памятник Иуде был поставлен большевиками в г. Козлове в присутствии наркомвоенмора тов. Троцкого лично!).

21 февраля 1919 г. Курт Айзнер был застрелен офицером-фронтовиком графом Антоном фон Арко цу Валей, в свою очередь, раненым на месте покушения охраной Айзнера и брошенным в тюрьму. В ответ на убийство Айзнера в баварский парламент-ландтаг ворвались мясники и кельнеры из мюнхенских пивных во главе с леваком Алоизом Линднером, и открыли дикую пальбу, застрелив министра Ауэра и двух депутатов ландтага. В Баварии было объявлено чрезвычайное положение и был распространен призыв к всеобщей забастовке. Когда мюнхенское студенчество выступило в поддержку графа фрн Арко цу Валлей, сочтя его поступок патриотическим, Мюнхенский университет был по распоряжению красных властей закрыт и начались многочисленные аресты. Баварские большевики брали заложников, в том числе из числа непокорных студентов. Была введена беспощадная цензура, начались конфискации, «буржуазия» была объявлена «пораженной в правах», банки и общественные здания были захвачены отрядами спешно сформированной баварской Красной армии, на улицах появились бронеавтомобили и грузовики с красными солдатами, грозившими через громкоговорители «отомстить буржуазии и ее наемникам за товарища Айзнера!». В течение месяца вся исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках самопровозглашенного революционного Центрального совета во главе с национал-большевиком Эрнстом Никишем, и лишь затем был сформирован кабинет министров, состоявший из представителей левых партий. Когда же в начале апреля из Венгрии пришло известие о захвате там власти большевиком Белой Куном и провозглашении «диктатуры пролетариата», что свидетельствовало о распространении советской системы уже и за пределы захваченной большевиками России, только что несколько стабилизировавшаяся ситуация в Баварии снова заколебалась. Под лозунгом:

«Германия идет вслед (за Россией и Венгрией – к мировой революции – В.А.)!» парламентское меньшинство, состоявшее из леворадикальных утопистов, провозгласило в Баварии, вопреки очевидной воли большинства баварцев, их традициям и чувствам, «Баварскую Советскую республику». Вскоре Мюзам и другой поэт-анархист – Эрнст Толлер – выгнали большинство министров из Мюнхена в Бамберг (Эрнст Никиш вышел из состава правительства), Бавария вообще оказалась «без руля и без ветрил», оказавшись в руках группы беспощадных профессиональных революционеров – вождей советского эксперимента во главе с Куртом Эгльгофером, Густавом Ландауэром и прибывшим из Совдепии Евгением Левине. Против их-то кровавого режима и повел своих вчерашних студентов, вновь надевших солдатские шинели добровольцев, обер-лейтенант Людвиг Лаутербахер. К 3 мая 1919 г. Мюнхен был очищен от большевиков совместными усилиями северогерманских, вюртембергских и баварских белых добровольцев. В этом была и заслуга «Добровольческой ватаги Лаутербахера». После своего участия в «путче Каппа-фон Лютвица», направленного против республиканского правительства Эберта-Носке-Шейдемманна, маршевая рота была распущена. Вскоре на ее базе был сформирован «Штурмовой батальон Лаутербахера» (800 штыков, в том числе пулеметный взвод с 6 пулеметами, 4 миномета, огнеметный взвод с 6 огнеметами и 1 батарею пехотных артиллерийских орудий 7,6 cm Infanteriegeschuetz L/16 Krupp, способных вести огонь фугасными снарядами с взрывателями как мгновенного, так и замедленного действия на дальность до 1600 м – 6 орудий, 3 офицера, 76 нижних чинов), принявший активное участие в боях против «Красной армии Рура» и польских инсургентов в Восточной Силезии.

После окончательного расформирования этой части в 1923 г. ее бойцы перешли частью в Союз «Оберланд», частью – в «Стальной Шлем», частью – в СА. Отличительным знаком чинов «Добровольческой ватаги (а затем – и штурмового батальона — Лаутербахера) служила черная нарукавная повязка из шерстяной ткани, окаймленная по верхнему и нижнему краю бело-голубой ленточкой (цветов ленты баварской медали «За храбрость»), с заглавной прописной латинской литерой «L» (Lauterbacher). Таких повязок было выдано 750 штук, по числу бойцов «ватаги». В 1920 г. по распоряжению обер-лейтенанта Лаутербахера для его студенческой части было изготовлено черное знамя с белой заглавной прописной литерой «L» в голубом овале. После подавления Капповского путча эта литера была заменена на знамени изображением льва — геральдического символа Баварии. В 1923 г. Людвиг Лаутербахер учредил для награждения своих бойцов корпусной знак «За заслуги» (Bewahrungsabzeichen) в форме ромба, для ношения на булавке на правой стороне груди (по другим сведениям, мог носиться также на левой стороне головного убора). Знаком «За заслуги» было награждено 150 добровольцев «ватаги».